ГОЛОСЪ

ЗА

РОДНОЕ.

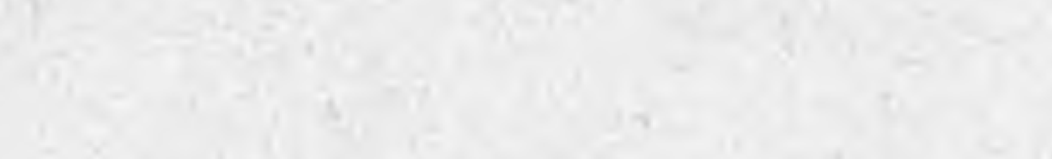
МОСКВА.

1854.

ГОЛОСЪ

ЗА

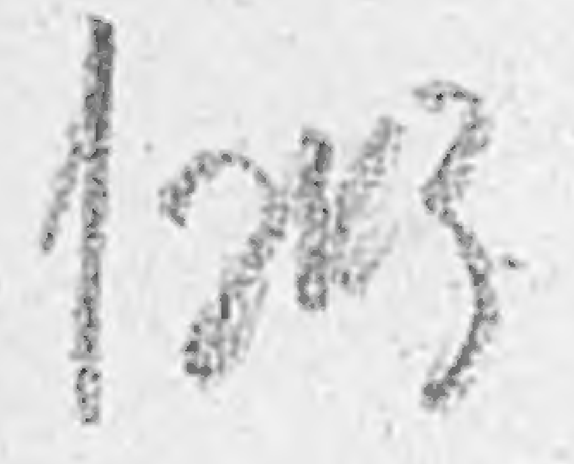
РОДНОЕ.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ А. ЕВРЕИНОВА.

1854.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, 1854 г. Марта 12 дня.

Ценсоръ М. Похвисневъ.

Часто случается слышать, даже къ несчастію и читать, что государство имѣетъ всѣ возрасты жизни и что въ слѣдъ за старостію, признакъ которой упадокъ нравственныхъ и физическихъ силъ, наступаетъ политическая смерть его. Точно, всѣ языческіе народы слѣдовали какъ будто по непреложному этому пути и самый Римъ, въ послѣдствіи уклонясь отъ коренныхъ своихъ

началъ, растлѣнный развратомъ, склонилъ свою главу предъ дикими сынами сѣвера. Но неужели и намъ подводить себя подъ эту категорію и черпать назиданіе изъ мрачной бездны язычества? Жизнь народовъ, освященныхъ свѣтомъ Христіанской религіи, не должна ли воспринять иное направленіе? Столь гибельная старость не должна ли замѣниться зрѣлостію, наступленіе которой возвѣстится нравственно-религіознымъ духомъ народа и гармоніею его жизни. Безбожно, безбожно унижать человѣка до степени животнаго; но къ несчастію нѣкоторые такъ думаютъ. Скажите имъ въ минуту скорби, что нравственность народа тускнѣетъ, они вамъ преравнодушно скажутъ: такъ должно быть, это общій

неизбѣжный законъ. — Спросите ихъ послѣ этаго мудраго отвѣта, для чего и по какимъ законамъ сталкиваются въ ихъ понятіяхъ столь противоположныя идеи: вѣра въ Бога, въ Божественныя страданія Спасителя и безбожныя идеи, что Государство должно окончить свое существованіе нравственнымъ изнеможеніемъ. Дай Богъ, чтобъ немногіе изъ собратій сознавали себя въ числѣ этихъ мудрецовъ. Эта отчаянная физіономія не наша, она нейдетъ къ намъ на ней положено роковое клеймо кипучихъ страстей. Вглядитесь хорошенько въ жизнь роднаго народа, это священная эпопея! вездѣ промыслъ Божій, вездѣ Божественная назидательность.—Междоусобіе Князей налагаетъ тяжкія оковы татар-

скаго рабства, жизнь народа оцѣпенѣла и замерла; но за то вѣра стоитъ на стражѣ. Наконецъ горькой опытностію поучительный урокъ постигнутъ, самодержавіе начинаетъ скрѣплять силы народа, и чѣмъ же ознаменовывается эта незабвенная минута спасительнаго возрожденія! Промыслъ Божій внятно слышится въ краснорѣчивыхъ глаголахъ событій: Святая Церковь даруетъ Россіи незабвенныхъ святыхъ пастырей, коихъ безсмертныя имена вписаны въ исторіи народа. Приведите на память имена Великихъ Князей, положившихъ начало самодержавію — не освятится ли ваша память лучезарною мыслію о Святомъ Петрѣ и Алексіѣ Митрополитѣ? Произнесите только имя Димитрія Донскаго

и благоговѣйное чувство къ Святому Сергію приведетъ васъ въ отрадное умиленіе; даже самая битва Куликовская запечатлѣна кровію иноковъ смиренной его обители.

Перейдемъ къ 1612 году: гидра безначалія и мятежные сосѣди начинаютъ терзать Россію,—гибель казалась неизбѣжною; но Провидѣніе и тутъ даруетъ избавителя въ простомъ гражданинѣ Мининѣ и смиренная обитель Святаго Сергія снова дѣлается опорой родинѣ и страшною для враговъ своей непоколебимою твердостію и вдохновенными воззваніями къ народу. Вспомните только Патріарха Гермогена, изъ любви къ родинѣ пріявшаго мученическую смерть, и кровь прильетъ къ сердцу вашему;

если только вы согрѣты этою Божественною любовію.—Съ восшествіемъ на престолъ Михаила Ѳеодоровича Романова Россія вздохнула отъ тяжкихъ скорбей своихъ. Примѣръ краснорѣчиво назидательный и для царей и для народа: жизнь будущаго вѣнценосца искуплена смертію селянина; слава и величіе Россіи спасены и исторія украшаетъ страницы свои именемъ Петра 1-го, героя, отца отечества, учителя царей и народа.

Но вотъ наступаетъ незабвенный 1812-й годъ; Европа тонетъ въ кровавыхъ войнахъ и смиренно склоняетъ выю предъ надменнымъ честолюбцемъ, вскормленнымъ кровавыми смутами Франціи; двадесять народовъ, по волѣ грозной

побѣдителя, несутъ въ Россію смерть и ужасы опустошенія; Благословенный Александръ, монархъ исполненный кротости, безъ всякой помощи, съ вѣрою въ Бога и надеждою на любовь народа изрѣкаетъ безсмертныя слова. «Я не положу оружія доколѣ ни единаго не пріятельскаго воина не останется въ царствѣ моемъ.» Провидѣніе, наказуя, видимо поучаетъ: незабвенный Кутузовъ сохраненъ для страшной годины Россіи; полученная имъ рана на войнѣ съ Турками изумляетъ всѣхъ; съ появленіемъ его яркая звѣзда Наполеона меркнетъ, духъ его убитъ Бородинскимъ боемъ и проницательность ему измѣняетъ: отданная Москва и самое зарево пожара до послѣдней минуты бѣгства для него

темная загадка. Все-все противъ него, и самая природа въ заговорѣ съ Русскими: угрюмый сентябрь обольщаетъ незванаго гостя майской нѣгой и незамѣтно передаетъ его на жертву суровому октябрю. Вопросъ-что сталось съ необъятной вражеской силой? Многимъ ли удалось ступить на родную землю? И тебѣ солнце Парижа не суждено было освѣщать Русскій крестъ, святотатственный трофей надменнаго честолюбца. И такъ положенный предѣлъ Божьяго наказанія свершился! Кутузовъ, исполнивъ свое призваніе, нисходитъ въ вѣчность, а дикая скала среди необозримаго океана служитъ подножіемъ честолюбивому титану и время пишетъ поучительную надпись въ грядущіе вѣка.

Время! время! какъ краснорѣчиво назидательны твои писмена и какъ темно, непостижимо твое грядущее! Могъ ли предъузнать языческій Римъ, проливая кровь возникающаго Христіанства, что свѣтъ Божественнаго ученія благодатно осѣнитъ грядущіе за нимъ народы. Моглиль мы предъузнать, чтобъ въ средѣ этихъ самыхъ народовъ возродился снова языческій Римъ?

Страшныя времена! Но не для тебя оскорбленная, ополченная за вѣру родина. Иди съ святымъ упованьемъ на твое призваніе: пути Божіи неисповѣдимы!...

КОНЕЦЪ.